

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК СИСТЕМНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ ДИСФУНКЦИЯ

Тищенко Павел Дмитриевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: pavel.tishchenko@yandex.ru

Утверждается, что эпистемическая несправедливость как проблема экспертизы связана не только с ее сциентизацией, замыканием на себя, и неспособностью институционализованных экспертов слышать голос представителей профанного сообщества, как утверждается в статье С.Ю. Шевченко, но и с системной коммуникативной дисфункцией в отношениях ученых, экспертов, представителей профанного сообщества и власти. Предполагается, что снованием дисфункциональности взаимодействий является недоверие социальных акторов друг к другу, которое порождает взаимные формы как герменевтической (hermeneutic), так и свидетельской (testimonial) несправедливости в смысле М. Фрикера. Отмечается односторонность представлений о маргинальных сообществах. Необходимо учесть, что в связи со стремительной специализацией в научном производстве знаний граница между экспертом и профаном оказывается радикально смещенной из пространства внешних социальных отношений во внутреннее ментальное пространство каждого из экспертов.

Ключевые слова: экспертиза, контр-экспертиза, коммуникативная дисфункция, эпистемическая несправедливость, сциентизация, десциентизация, маргинальное сообщество

EPISTEMIC INJUSTICE AS SYSTEMIC COMMUNICATIVE DYSFUNCTION

Pavel D. Tishchenko – DSc in Philosophy, chief researcher. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12 Goncharkaya Str., Bd. 1, Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: pavel.tishchenko@yandex.ru

It is argued that epistemic injustice as a problem of expertise is related not only to its scientization, closure, and the inability of institutionalized experts to hear the voice of representatives of the marginal communities, as stated in the article by S.Y. Shevchenko, but also to systemic communicative dysfunction in the relations of scientists, experts, representatives of marginal communities and state authorities. It is supposed that dashing about of dysfunctionality of interactions is the mistrust of social actors to each other which generates mutual forms of both hermeneutical, and testimonial injustice in M. Fricker sense. Unilateral view of marginalized communities is criticized. It should be taken into account that due to the rapid specialization in scientific production of knowledge, the boundary between the expert and the profane is radically shifted from the space of external social relations to the internal mental space of each of the experts.

Keywords: expertise, counter-expertise, communicative dysfunction, epistemic injustice, scientization, dissentization, marginal community

Введение. В статье С.Ю. Шевченко «Презирать и подсказывать: эпистемическая несправедливость и контр-экспертиза» отстаивается распространенная в исследованиях, ведущихся в рамках STS, позиция, согласно которой политический матрикс отношений между экспертами, представляющими научное сообщество, и членами профанного сообщества характеризуются как проявление эпистемической несправедливости. В частности, предполагается несправедливым лишать индивида или маргинальную группу людей (профанов) права свидетельствовать о собственном понимании существа дела, непосредственно их касающегося. По мнению автора, в основе подобного рода замалчивания лежит отрицание значения субъективного, «феноменального» (в терминологии С.Ю. Шевченко) опыта. Предпочтение отдается объективным показателям, полученным в результате экспертных измерений. Автор приводит пример отрицания экспертами Саранска наличия «запаха нечистот» на основе объективных показателей, свидетельствующих о том, что предельно допустимые параметры загрязнения воздуха не превышены.

Тезис автора тесно связан с особенностями идеологии STS. Как утверждают приглашенные редакторы специализированного номера журнала «Science as culture», посвященного практикам контр-экспертизы, существует «опасность» системных, институализированных, односторонних и упрощенных экспертных нарративов. Контр-экспертиза, проводимая (организуемая) в том числе и исследователями STS, должна, как предполагается, противостоять этой угрозе, помогать в преодолении границ между экспертным и профанным (локальным) знанием. «Когда контр-экспертные истории остаются нерассказанными, то возникает герменевтическая и эпистемическая несправедливость (knowledge injustice)... Ученые STS должны играть более активную и целенаправленную роль в содействии контр-экспертизе и в раскрытии системной несправедливости, служащей исключением контр-экспертов из создания коллективных представлений (collective imagining)» [Williams, Moore, 2019, p. 252]. При этом угроза видится в сциентизации институциональной экспертизы, в ее самозамыкании, которое препятствует слышать голоса контр-экспертов, свидетельствующих от имени локальных знаний маргинальных сообществ.

В своей статье С.Ю. Шевченко вносит вклад в борьбу за идеи контр-экспертизы, используя концепт Г. Коллинза (H. Collins) «минимальной телесности» (minimal embodiment), как необходимого и достаточного основания для адекватного восприятия институализированными экспертами контр-экспертизы. Используемый автором мысленный эксперимент с «запертым человеком» дает интересное обоснование эвристическим аспектам контр-экспертизы и «минимальной телесности».

С моей точки зрения, нарративы STS, включающие полезные дополнения, сделанные автором, *раскрывают важные аспекты* описания

сложных отношений профанного и экспертного знания, тонко выявляют формы эпистемической несправедливости, в которой роль виновных возлагается на институализированных экспертов, а роль жертв играют маргинализированные сообщества. Полагаю, что *альтернативная история* этих отношений, в которой роли жертв и виновников меняются местами, будет так же полезна. Она позволит визуализировать системный характер эпистемической несправедливости как коммуникативной дисфункции.

Смерть экспертизы. В своем оппонировании автору я хотел бы предложить иной нарратив отношений экспертов и профанов, дополняющий нарративы STS. Отправной точкой служит позиция Т. Николса, представленная в его книге «Смерть экспертизы. Как Интернет убивает научные знания» [Николс, 2019]. Русский перевод подзаголовка мне представляется неудачным, неоправданно связывающим угрозы для научного знания с Интернетом. В оригинале написано иное: «The Death of Expertise: The Campaign Against Established Knowledge and Why it Matters». Книга повествует, прежде всего, о смысле и значении мощной общественной, идеологической и политической *кампании* против обоснованного (established) знания.

Приведу несколько полезных цитат, выражающих позицию Т. Николса – американского профессора и эксперта в проблемах национальной безопасности, позиционирующего себя в качестве публичного интеллектуала, т.е. *между* властью, наукой и публикой (профанным сообществом). Его книга адресована, прежде всего, американскому читателю. Она построена главным образом на материале США, опирается на историю этой страны и традиции ее политической философии. Однако глобализация, имеющая как свои объективно-исторические основания, так и связанная с попытками неумного копирования самого «передового» опыта, позволяет узнавать в чужом опыте черты, свойственные и другим странам, включая и нашу.

Для Николса в центре проблем, позволяющих ему говорить о «смерти экспертизы», лежат мощные тенденции *переоценки ценностей* в отношениях знания и невежества: «...хоть экспертное знание, или профессиональная компетентность, еще не погребено окончательно, ему грозит опасность. Что-то явно идет не так. В настоящее время Соединенные Штаты – страна, заикленная на преклонении перед своим невежеством» [там же, с. 8]. В этом проявляется не только повсеместно встречающаяся традиционная нелюбовь в профанном сообществе к «яйцеголовым» интеллектуалам. «Нет, гораздо большей проблемой является то, что мы *гордимся* своим незнанием... Это новая “Декларация независимости”: мы теперь “считаем за очевидные истины” не только, что все люди сотворены равными, что им даны их Творцом некоторые неотъемлемые права и т.д. а любые мнения, даже заведомо неверные. Все поддается пониманию всякого, и каждое суждение по любому поводу хорошо, как любое другое» [там же, с. 9].

Осознание опасностей для общества, связанных с всепроникающей профанацией, вынуждает некоторых представителей научного и экспертного сообщества призывать к восстанию «против невежественных масс» [Николс, 2019, с. 350]. Николс приводит показательный пример связи невежества и агрессии. В одном из опросов американского общественного мнения 2015 г. респондентам были заданы вопросы – стоит ли США вмешиваться в события на Украине, и если стоит, то как. Одновременно был предложен тест на знание географического положения этой страны. «В результате оказалось, что степень поддержки планов военного вторжения в Украину была прямо пропорциональна степени невежества относительно нее. Другими словами, люди, которые считали, что Украина находится в Латинской Америке или в Австралии, проявляли наибольший энтузиазм относительно применения вооруженной силы со стороны Соединенных Штатов» [там же, с. 19].

Не менее показателен пример президента Южно-Африканской Республики Табо Мбеки, который поверил контр-экспертизе ВИЧ-десидента П. Дюсберга, отрицавшего связь заболевания СПИД с вирусной инфекцией. На этом основании он отказался закупать противовирусные препараты для больных в ЮАР. В результате, «как подсчитали врачи из Гарвардской школы здравоохранения, погибло свыше трехсот тысяч человек, а около тридцати пяти тысяч родившихся детей были ВИЧ-инфицированы, что можно было предотвратить» [там же, с. 18].

Не разделяя экстремистских призывов к «восстанию» экспертов, Николс вместе с тем признает огромное искушение невежественных людей, которыми легко могут манипулировать политики, освободить себя от терзаний собственной совести, обоснованно связывающей необразованность с ленью и нежеланием учиться.

Таким образом, позиция Николса, которая *разделяется мной в данной статье*, оппонирующей статье С.Ю. Шевченко, прямо противоположна в диагностике угроз, существующих в отношениях экспертов и профанов, так как она трактуется некоторыми STS исследователями. Возможно, есть своя правда в концепте «эпистемической справедливости», приписывающая ответственность представителям институализированной экспертизы. Более того, я бы мог показать, как в рамках биоэтики во второй половине XX в. традиционный врачебный патернализм, основывавшийся на эпистемической несправедливости убеждения, что врач знает лучше пациента, что нужно этому пациенту, был концептуально оспорен и радикально ограничен в своей применимости. Теоретически была обоснована и практически имплементирована антипатерналистская модель медицины, предполагающая необходимость обеспечения автономии пациентов за счет их адекватного информирования врачом, а также признания их прав принимать жизненно важные решения самостоятельно на основе собственного экспертного понимания своего блага и зла...

И все же меня, как и Николса, сейчас заботят проблемы существования научной экспертизы как таковой. Отчасти эти заботы обусловлены реалиями российской жизни, в которой экспертные суждения относительно вреда/опасности молочных продуктов из Белоруссии, минеральной воды из Грузии или помидоров из Турции могут безинерционно меняться на противоположные в зависимости от потепления или охлаждения политических отношений с этими странами. Несколько судебно-психиатрических экспертиз в деле полковника Буданова, проявивших чудесную гибкость в зависимости от набора экспертов и вектора преобладающих в конкретный момент давлений на суд. Явная ангажированность судебно-медицинской и лингвистической экспертизы в политических процессах последних лет, экологическая экспертиза, идущая под диктовку застройщиков или хозяев экологически неблагополучных предприятий, включая старые и новые свалки... Это и многое другое говорит о том, что *научно обоснованная честная институализированная экспертиза, являющаяся важнейшим условием выживания любой страны, оказывается под угрозой*. Конфликты и серьезная ангажированность (коррупционированность) научной экспертизы опасности/безопасности генетически модифицированных продуктов или причин потепления климата подтверждают, что наши отечественные проблемы имеют общие для всего человечества корни.

Предположу, что *эпистемическая несправедливость является не односторонней с разделением жертв и виноватых, а общей, взаимной*. Отношения экспертов и профанных групп, к которым относятся не только люди с улицы (lay people), но и вся властвующая элита, можно обозначить в качестве *коммуникативной дисфункции*. Проблемы институализированной экспертизы связаны не столько с ее сциентизацией, замыканием на себя, и неспособностью институализированных экспертов слышать голос представителей профанного сообщества, как утверждает в статье С.Ю. Шевченко. Основанием дисфункциональности взаимодействий выступает *недоверие* социальных акторов друг к другу, которое порождает взаимные формы как герменевтической (hermeneutic), так и свидетельской (testimonial) несправедливости в смысле М. Фрикера.

Профаны и эксперты не слышат друг друга, так как в базисных паттернах мировосприятия индивидов и социальных групп отсутствуют *взаимное доверие* и ресурсы восприятия и понимания других. При этом будет односторонним утверждать нечто о маргинальных группах как данностях. Ни одна группа не является маргинальной сама по себе, но лишь оказавшись погруженной в контекст здесь-теперь отношений с представителями других групп. Некоторая группа маргинализируется, и в отношении нее можно говорить о ее локальном знании и особом опыте (экспертности) в результате того, что голос ее представителей не слышен другими акторами. К примеру,

белые эксперты – молекулярные биологи были проигнорированы темнокожим жюри на суде О. Джей Симпсона (*O.J. Simpson case*), что обеспечило последнему оправдательный приговор. Кто в этом казусе был маргиналом? Насколько предоставления маргинальным сообществам голоса решают проблемы – непростой вопрос. Вероятней, необходимо исследовать коммуникативные дисфункции, определяющие *взаимную* несправедливость акторов.

Обсуждая проблемы экспертизы, поддерживая необходимость экспертам слышать «профанов» и учитывать возможности контр-экспертизы, необходимо отдавать отчет в том, что в связи со стремительной специализацией в научном производстве знаний граница между экспертом и профаном оказывается радикально смещенной из пространства внешних социальных отношений во внутреннее ментальное пространство. В результате стремительно нарастающей специализации науки в ментальном пространстве эксперта собственно экспертная идентичность все более и более отвечает за исчезающе малое пространство экспертно выверенных возможных действий и рекомендаций. Происходит углубляющаяся десциентизация экспертного опыта *изнутри*, которая основывается не только на политически ангажированном опыте замалчивания голоса ученых, но и на внутренних тенденциях прогресса науки через ее специализацию. Таким образом, маргинализация ученого-эксперта происходит и в социуме, и во внутреннем мире (сознании) любого реального или потенциального эксперта. Поэтому содержательный ответ на вызов десциентизации, а не сциентизации (как у С.Ю. Шевченко), экспертизы должен включать и политические действия, и философское обоснование возможности связанного научного опыта в условиях углубляющейся специализации науки.

Список литературы

Николс, 2019 – *Николс Т.* Смерть экспертизы. Как Интернет убивает научные знания. М.: Эксмо, 2019. 368 с.

Williams, 2019 – *Williams L.D.A., Moore S.* Guest Editorial: Conceptualizing Justice and Counter-Expertise // *Science as Culture*. 2019. Iss. 28 (3). P. 251–276.

References

Nichols, T. *Smert' ekspertizy. Kak Internet ubivaet nauchnye znaniya* [The Death of Expertise: The Campaign Against Established Knowledge And Why It Matters]. Moscow: Eksmo, 2019, 368 pp. (In Russian)

Williams, L.D.A., Moore S. "Guest Editorial: Conceptualizing Justice and Counter-Expertise", *Science as Culture*, 2019, iss. 28 (3), pp. 251–276.